

Научная статья

УДК 338.48

doi: 10.17072/2079-7877-2022-4-115-134

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТУРИСТСКИХ ПРОТОКЛАСТЕРОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Дмитрий Александрович Кощев^{1✉}, Ольга Юрьевна Исопескуль²^{1, 2}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г.Пермь, Россия¹dmitry.koshcheev@yandex.ru✉²oisopeskul@hse.ru

Аннотация. Эпидемический кризис COVID 2020–2022 гг. и дополнивший его в феврале 2022 г. санкционный кризис сформировали принципиально новые условия функционирования туристских кластеров. Эти условия определяют изменения набора мер, необходимых для поддержки таких структур на уровне региона с целью обеспечения их эффективного функционирования. Особенно актуальна данная проблема для Пермского края, где с конца 2021 г. активно обсуждается введение нового пакета мер по развитию туристского потенциала региона. В данном исследовании поставлено две задачи: анализ функционирования туристских кластеров Пермского края в период пандемии и разработка общих рекомендаций по развитию туристских кластеров региона в новых условиях. Для решения этих задач предложена авторская методика исследования функционирования туристских кластеров в условиях кризисных явлений, основанная на авторском системно-агломерационном подходе. Новая методика позволила выделить два туристских протокластера, функционировавших на территории Прикамья с 2012 по 2021 г. Для этих протокластеров были рассчитаны основные показатели существования за десятилетний период и проведены два опроса, один – в разгар эпидемического кризиса (2021 г.); второй – в начале санкционного кризиса (2022 г.). Соотнесение и систематизация выделенных количественных параметров с качественными данными, полученными в ходе опросов, позволили дать комплексную характеристику каждому из двух протокластеров Пермского края на разных этапах развития кризисных явлений. На этой основе сформирована и приведена система рекомендаций по развитию рассматриваемых территориальных туристско-рекреационных систем в новых условиях.

Ключевые слова: кластер, протокластер, туристский кластер, системно-агломерационный подход, пандемия COVID-19, санкционный кризис

Для цитирования: Кощев Д.А., Исопескуль О.Ю. Функционирование туристских протокластеров Пермского края в условиях пандемии и санкционного давления // Географический вестник = Geographical bulletin. 2022. № 4(63). С. 115–134. doi: 10.17072/2079-7877-2022-4-115-134.

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2022-4-115-134

TOURISM PROTOCLUSTERS ACTIVITY IN PERM KRAI AGAINST THE BACKGROUND OF THE PANDEMIC AND SANCTIONS PRESSURE

Dmitry A. Koshcheev^{1✉}, Olga Yu. Isopeskul²^{1, 2}HSE University, Perm, Russia¹dmitry.koshcheev@yandex.ru✉²oisopeskul@hse.ru

Abstract. COVID-19 pandemic (2020–2022) and the subsequent sanctions crisis (since February 2022) provided a fundamentally new background for the functioning of tourism clusters. The new conditions determined the need for a new set of tourism cluster support measures. In Perm Krai, a discussion on support for the region's tourism potential was launched in the late 2021. The paper focuses on two main objectives: analysis of the tourism cluster activity during the pandemic and formulation of general recommendations on the tourism cluster development in the new context. We propose a new system-agglomeration methodology for the analysis of tourism cluster activity in the period of crisis based on our own theoretical approach. The new methodology identified two tourism protoclusters in Perm Krai that were active

from 2012 to 2021. For each of the two protoclusters, we calculated key activity indicators and conducted two polls, in 2021 and in 2022. Comparative analysis and systemization of qualitative and quantitative data resulted in a complex description of each of the two Perm Krai's tourism protoclusters at different crisis stages. Basing on that, we propose a system of recommendations on tourism protoclusters development in the new conditions.

Keywords: cluster, protocluster, tourism clusters, system- agglomeration approach, COVID-19 pandemic, sanctions crisis

For citation: Koshcheev D.A., Isopeskul O.Yu. (2022). Tourism protoclusters activity in Perm Krai against the background of the pandemic and sanctions pressure. *Geographical Bulletin*. No. 4(63). Pp. 115–134. doi: 10.17072/2079-7877-2022-4-115-134.

Введение

Эпидемический кризис COVID-19, протекающий на фоне стагнации экономики [1], определил формирование принципиально новых условий развития территориальных систем в сфере туризма и рекреации. С одной стороны, вводимые с марта 2020 г. карантинные ограничения привели к снижению въездного международного туристского потока и росту неопределённости внешней среды для каждой организации туристского сектора. С другой стороны, противоэпидемические меры, а также меры поддержки туристского сектора способствовали росту внутреннего туристского потока, формированию новых маршрутов и появлению новых туристских продуктов. Эти тенденции детерминировали противоположные тренды: первая – определила процессы снижения комплексобразования и кластерной активности в регионах; вторая, наоборот, рассматривается в качестве одного из катализаторов развития комплексобразования в туризме.

В данном исследовании были поставлены две задачи: во-первых, провести анализ функционирования туристских кластеров Пермского края в период пандемии COVID-19; во-вторых, разработать общие рекомендации по развитию туристских кластеров региона в новых условиях.

Материалы и методы исследования

Анализ функционирования туристских кластеров в условиях противоэпидемических ограничений и негативной внешнеполитической конъюнктуры формирует новую исследовательскую область на стыке двух широких теоретико-методических пластов. Первый – рассматривает параметры функционирования кластеров и вопросы их количественной оценки. Этот пласт начал складываться в начале XX в. вместе с формированием первых теорий и моделей, объясняющих сущность территориально-экономических систем в структуре региона [11].

Второй теоретико-методический пласт иллюстрирует состояние туристского сектора в период пандемии, а также проблемы сохранения и развития его потенциала в условиях противоэпидемических ограничений [см. например: 23; 20; 22; 16].

За период 2020–2021 гг. эта исследовательская область прошла путь от проработки концептуально-методических основ анализа состояния туристского сектора в период пандемии до практико-ориентированных работ, освещающих вопросы администрирования туристской отрасли региона в таких условиях [10].

В конце 2021 – начале 2022 гг. были реализованы первые попытки синтеза рассмотренных исследовательских пластов [см. например: 17; 21], однако целостная методика комплексного анализа проблемы так и не была сформирована.

Ранее нами был предложен системно-агломерационный подход к исследованию туристских кластеров [8]. На основе этого подхода можно разработать специализированную методику анализа функционирования территориально-экономических систем в сфере туризма в условиях кризисных явлений, вызванных эпидемиями и санкциями.

В соответствии с системно-агломерационным подходом под туристским кластером следует понимать «территориально-экономическую систему взаимосвязанных организаций

сферы гостеприимства и туризма, а также вспомогательных отраслей, географически локализованную в пространстве скопления (агломерации) наиболее значимых аттракций, концентрирующих в себе основные туристские потоки в регион» [8; 9].

Структура такого кластера может быть описана с использованием универсальной двухуровневой модели сервисного кластера [12].

В соответствии с этой моделью ядро (первый ярус) туристского кластера формируют организации-средства размещения, предприятия общественного питания, туроператоры, туристские агентства, операторы аттракций. На эти компании приходится основная часть создаваемой территориально-экономической системой добавленной стоимости. Особая роль в ядре отводится гостиничному бизнесу и предприятиям общественного питания. Они рассматриваются как системообразующий компонент ядра, определяющий само существование кластера [12]. В системе ядра также формируются управляющие структуры. Они могут создаваться как самими компаниями – элементами ядра, так и органами региональной, реже – местной власти [8].

Второй ярус туристского кластера образуют организации, не связанные напрямую с туристским сектором, но обеспечивающие нормальное функционирование организаций ядра кластера и формируемой ими цепочки создания стоимости. К этому ярусу могут быть отнесены предприятия смежных и дополняющих отраслей (транспортные организации, предприятия индустрии развлечений, учреждения культуры, спортивные учреждения и т.д.), а также предприятия поддерживающих отраслей (операторы инфраструктуры, организации коммунальной сферы, организации юридической и финансовой сфер, организации сферы маркетинга и рекламы и др.) [12].

Руководствуясь данными теоретическими положениями, методика исследования функционирования туристских кластеров в условиях эпидемического и санкционного кризисов может быть выстроена следующим образом (рис. 1).

Как следует из рис. 1, предлагаемая исследовательская методика включает четыре этапа.

Первый этап – «идентификация туристских кластеров» – выполняет подготовительную функцию и направлена на выделение территориально-экономических систем, которые будут помещены в центр дальнейшего анализа. Для этого необходимо пройти четыре последовательных шага.

1-й шаг – общая оценка уровня процессов комплексообразования в сфере туризма в регионе. Данная оценка строится на основе методики расчета коэффициента локализации (LQ) (формула 1):

$$LQ = \frac{E_{is}/E_s}{E_i/E}, \quad (1)$$

где E_{is} – число занятых в рамках вида экономической деятельности (ВЭД) «i» в регионе «s»; E_s – общее число занятых в регионе «s»; E_i – число занятых в стране в рамках ВЭД «i»; E – общее число занятых в стране [12].

Для интерпретации LQ существует несколько шкал. Так, М. Портер рассматривает 0,8 в качестве маркера наличия в регионе кластеров [19]. Другая шкала, сложившаяся в начале 2000-х гг. и ставшая на сегодняшний день основной, принимает в качестве порогового значения показатель 1,25. При этом значения $1,25 < LQ < 1,98$ отражают наличие слабо концентрированных кластеров, $1,98 < LQ < 3$ – средне концентрированных, $LQ > 3$ – высоко концентрированных [15; 18].

На наш взгляд, эти шкалы взаимодополняют друг друга. Так, шкала М. Портера основана на гипотезе о естественном происхождении кластера. Шкала, сформировавшаяся в начале 2000-х гг., строится на концепции смешанного генезиса, которая предполагает, что в регионе первоначально естественным путём складываются «протокластеры», а после того, как региональные органы власти опознают и начинают поддерживать эти структуры,

Рекреационная география и туризм

Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю.

они превращаются в кластеры. Учитывая данные выводы, значение $0,8 < LQ < 1,25$ может быть интерпретировано как признак наличия в регионе протокластеров в определённом году. Для получения устойчивых выводов, на наш взгляд, необходимо рассчитать LQ за десятилетний период. При этом признаком наличия кластеров/протокластеров в регионе мы предлагаем считать превышение коэффициентом LQ пороговых значений в течение пяти и более лет в границах десятилетнего периода.

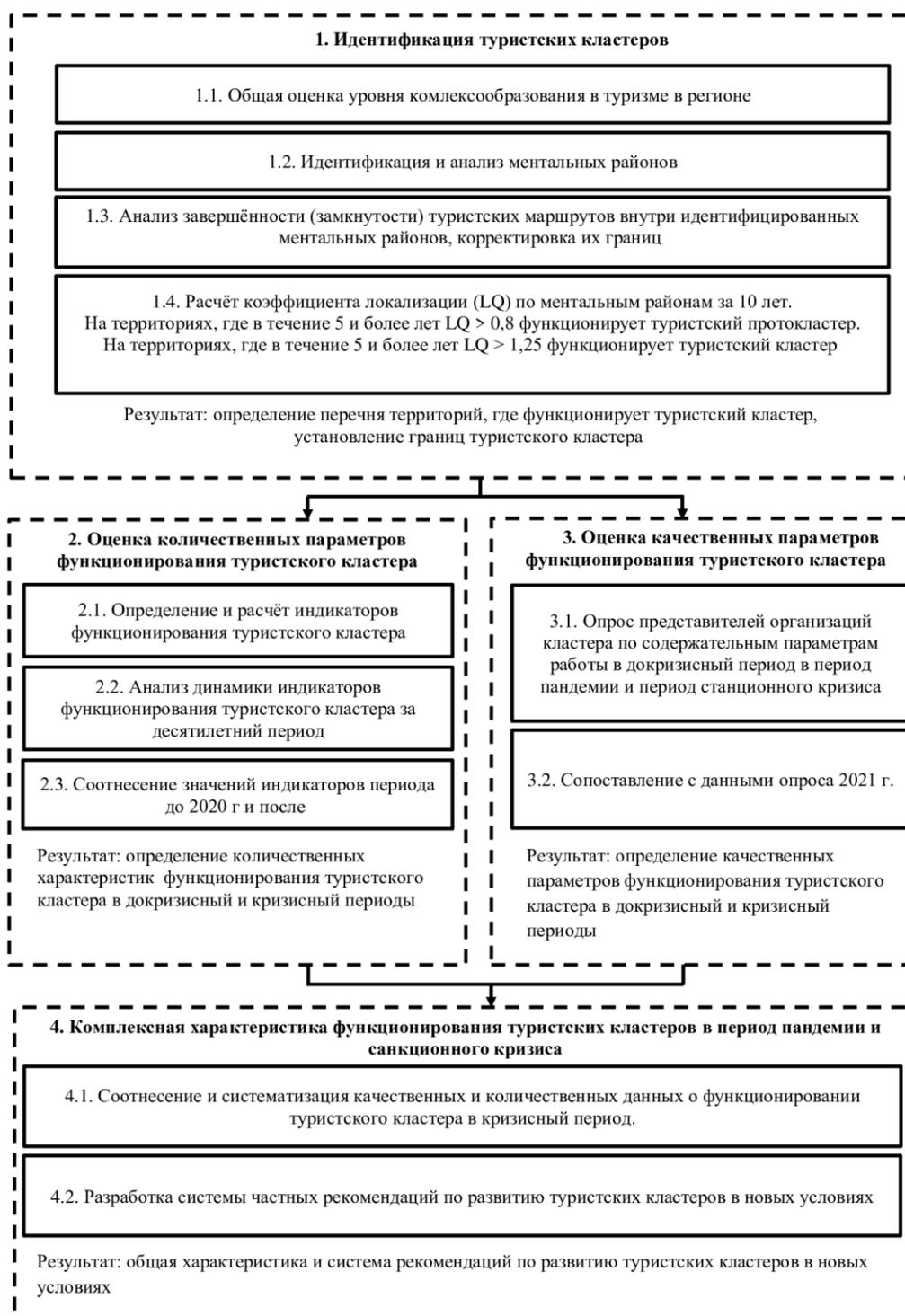

Рис. 1. Методика исследования функционирования туристских кластеров в условиях пандемии и санкционного кризиса

Fig. 1. Methodology for study of tourism clusters during the pandemic and sanctions crisis

Ещё один вопрос, который следует решить в процессе использования LQ, – какой ВЭД использовать для расчета данного коэффициента, поскольку ядро туристского кластера образуют организации, принадлежащие к разным ВЭД. В мировой практике при расчете LQ для сферы туризма используют данные по гостиничному и ресторанному секторам, рассматривая их в качестве системообразующих для ядра кластера [18]. Исходя из той же логики, в нашей работе коэффициенты локализации, а также основные показатели функционирования туристского кластера рассчитываются на основе данных по ВЭД «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания».

2-й шаг – идентификация туристских кластеров в структуре субъекта федерации на основе выявления ментальных районов через призму анализа региональной социокультурной среды в соответствии с методикой, в которой ментальный район рассматривается как географическая проекция относительно устойчивой системы межличностных связей социальных норм, моделей поведения, специфики мировоззрения, атрибутов локальной культуры и самоидентификации, а также ряда других элементов, характерных для локального сообщества [9].

Выделение таких структур реализуется на основе сочетания элементов комплексного этноисторического анализа территории с идентификацией локальных историко-культурных общностей, а также проведения массового опроса жителей региона. Для опроса используется авторская анкета, прорабатывающая восемь основных элементов локальной социокультурной среды, имеющих универсальную, фрактальную природу: ценности, нормы и правила поведения, механизм обеспечения реализации правил и норм, представления о значимых местах, локальная картина мира и мифология, символическая компонента, представления о центральном месте, представления о героях [8; 9].

Полученные в итоге ментальные районы, в соответствии с принятой в географической науке типологией, соотносятся с вернакулярным типом [5; 6]. Подобный тип ментального района отражает естественно сложившееся в сознании локальных сообществ представление о структуре географического пространства региона и выступает значимым элементом их самоидентификации [7].

Проведённые нами ранее исследования показали, что параметры социокультурного пространства ментальных районов оказывают значимое влияние на функционирование существующих в их границах территориальных туристско-рекреационных систем, обеспечивая предпосылки для формирования устойчивых туристских кластеров [см. например: 8; 9].

3-й шаг – исследование замкнутости (завершённости) туристских маршрутов в выявленных ментальных районах [3; 4], что позволяет скорректировать их границы с учётом географии реализуемых экскурсионных программ.

4-й шаг – расчёт LQ для «скорректированных» ментальных районов на основе данных ВЭД «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания». LQ рассчитывается за десятилетний период (с 2012 по 2021 г.). Скорректированные ментальные районы, где в течение 5 и более лет наблюдается $LQ > 0,8$, рассматриваются как территории размещения туристских протокластеров, а где $LQ > 1,25$ – как территории размещения туристских кластеров.

Представленная стратегия выделения туристских кластеров в значительной мере решает проблему «искусственности идентификации» [8], подчёркивая одновременно географическую уникальность места, которая способна привлекать туристов и стать в дальнейшем концептуальной основой развития рассматриваемой территориальной туристско-рекреационной системы [3].

Второй этап методики предполагает оценку количественных показателей функционирования туристских кластеров в докризисный (2012–2019 гг.) и кризисные периоды (2020–2021 гг.). На данном этапе так же предполагается последовательная реализация ряда исследовательских шагов.

Рекреационная география и туризм

Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю.

1-й шаг – отбор показателей функционирования туристского кластера на основе анализа литературы. В нашу выборочную совокупность вошло 1257 работ по теории туристских кластеров и общей кластерной теории, опубликованных с 1990 по 2022 г., в тексте которых приведены соответствующие индикаторы. Была выделена группа наиболее часто применяемых показателей, которые мы соотнесли с системой российской национальной статистики (табл. 1).

Таблица 1

Показатели функционирования кластера
Cluster activity indicators

Показатель	Интерпретация	Формула расчета / источник данных
Коэффициент специализации туристского кластера	Динамика данного показателя отражает эффект роста специализации кластера на приток специалистов в туристский сектор	Соответствует LQ, рассчитанному на данных «Базы данных показателей муниципальных образований»
Фокус кластера	Показатель иллюстрирует уровень влияния туристского кластера в регионе, прежде всего, влияния на региональный рынок труда	Рассчитывается на «Базе данных показателей муниципальных образований» по формуле $C = \frac{F}{E}$ где F – среднесписочная численность занятых по полному кругу организаций по ВЭД «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» в границах скорректированного ментального района; E – среднесписочная численность занятых по полному кругу организаций в регионе всего
Размер кластера	Показывает относительный размер туристского кластера в федеральном масштабе	Рассчитывается на данных «Базы данных показателей муниципальных образований» по формуле: $U = \frac{F}{N}$ где F – среднесписочная численность занятых по полному кругу организаций по ВЭД «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» в границах скорректированного ментального района; N – среднесписочная численность занятых по полному кругу организаций по ВЭД «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» в стране
Число организаций ядра кластера	Относительный размер ядра кластера	Источник: «База данных показателей муниципальных образований»
Фонд заработной платы всех работников организаций ядра кластера	Общий объем материальных средств, направляемый на выплаты наёмному персоналу предприятий ядра кластера	Источник: «База данных показателей муниципальных образований»
Среднемесячная заработная плата работников ядра кластера	Средний размер оплаты труда в ядре кластера	Источник: «База данных показателей муниципальных образований»
Среднесписочная численность работников ядра кластера по полному кругу организаций	Число занятых в организациях ядра кластера	Источник: «База данных показателей муниципальных образований»

2-й шаг – расчет каждого индикатора за десятилетний период.

3-й шаг – сопоставление данных докризисного и кризисного периодов.

Третий этап методики посвящён анализу качественных параметров функционирования туристского кластера. Для этого проводится опрос представителей кластеризованных организаций об условиях и специфике работы в текущих условиях.

На *четвёртом этапе* сопоставляются количественные и качественные данные о функционировании туристских кластеров в докризисный период и период кризисов. При необходимости собранные данные подкрепляются данными анализа контента СМИ и официальных документов.

Результаты исследования и их обсуждение

В соответствии с предложенной методикой на первом этапе авторами проведена оценка общего уровня комплексобразования в туристском секторе Пермского края в период с 2012 по 2021 г. (рис. 2).

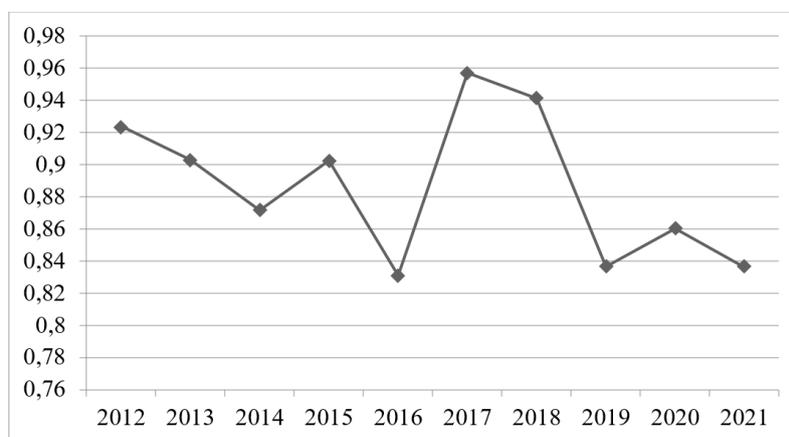

Рис. 2 Развитие процессов комплексобразования в туристском секторе Пермского края с 2012 по 2021 г.

Fig. 2. Complex formation processes in tourism sector of Perm Krai in 2012 - 2021

Как следует из рис. 2, в течение рассматриваемого периода значение LQ, рассчитанное по общерегиональным данным, превышало 0,8, т.е. в Пермском крае наблюдались слабые процессы комплексобразования естественной природы, соответствующие уровню протокластеров. Вместе с тем уровень комплексобразования демонстрирует общий тренд к снижению. Дополнительный анализ показал, что данная тенденция начала формироваться в 2012 г. с изменением вектора политики региональных властей в отношении развития туризма, который сопровождался последовательным отказом от мероприятий концепции «Пермской культурной революции» и изменением стратегии региональной кластерной политики [8].

При общем тренде на снижение комплексобразования в туристском секторе в границах рассматриваемого периода отмечены три периода роста с достижением локальных максимумов: в 2014–2015 гг. (в связи с принятием поправок к программе «Развитие туризма в Пермском крае на 2013–2017 гг.», позволившим привлечь инвестиции в ряд проектов в сфере рекреации и туризма); в 2016–2017 гг. (с привлечением федеральных инвестиций, связанных с проведением в регионе ряда крупных международных спортивных мероприятий), в 2019–2020 гг. (внутрирегиональные инвестиции в туристскую инфраструктуру). В 2020–2021 гг. инвестиции в региональную туристскую инфраструктуру продолжились, однако уровень процессов комплексобразования в секторе стал снижаться. Во многом это является следствием начавшейся пандемии коронавируса, повлекшей за собой закрытие ряда организаций туристской сферы и высвобождение персонала.

Таким образом, к началу эпидемического кризиса в Пермском крае сформировался

Рекреационная география и туризм
Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю.

общий тренд к снижению процессов комплексообразования в туризме, при котором локальные тренды роста наблюдались только в периоды привлечения крупных пакетов инвестиций.

Далее нами были произведены идентификация ментальных районов и корректировка их границ на основе критерия замкнутости туристских маршрутов (рис. 3).

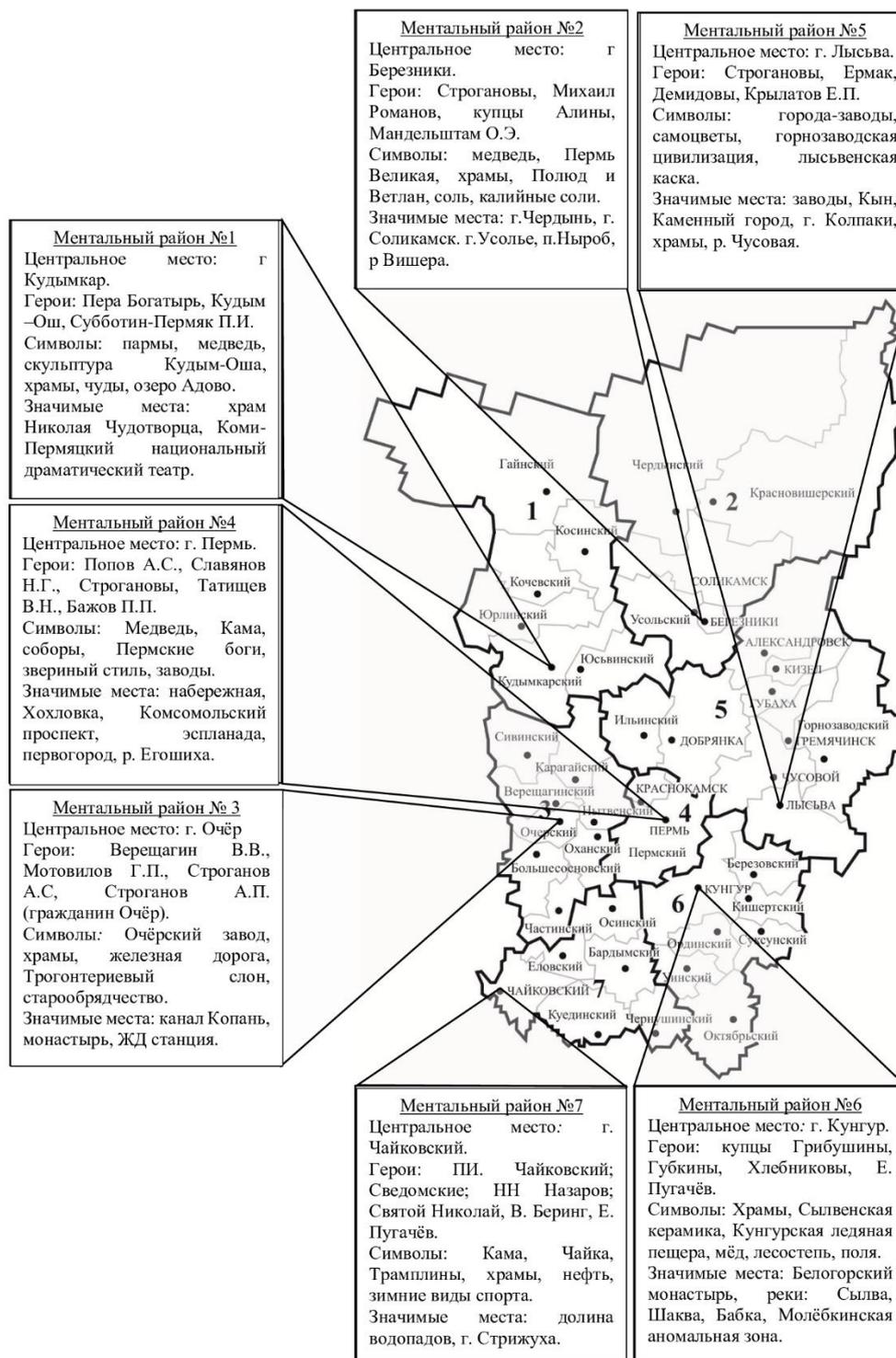

Рис. 3. «Скорректированные» ментальные районы Пермского края
Fig. 3. Corrected mental districts of Perm Krai

Сравнение данных рис. 3 с данными, полученными нами в 2018 [8] и 2020 гг. [9], иллюстрирует относительную устойчивость границ и структуры ментальных районов Пермского края, а также сети туристских маршрутов региона в среднесрочном периоде.

Более того, высокую устойчивость демонстрирует содержание основных элементов локальной социокультурной среды, которые используются для характеристики ментальных районов (наиболее значимые из них отражены на рис. 3). Как показал анализ, в 2018, 2020 и 2022 гг. представление о центральном месте в сознании жителей всех семи ментальных районов не менялось. Перечни символов, героев, значимых мест в основном прирастали, сохраняя изначальный базис.

Расчет LQ для каждого скорректированного ментального района за период 2012–2021 гг. позволил получить нам следующие данные (табл. 2).

Таблица 2

Значения коэффициента локализации в скорректированных ментальных районах в период 2012–2021 гг.
Coefficient of localization in the corrected mental districts in 2012–2021

Менталь- ный район	Коэффициент									
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
1	0	0,255	0	0,673	0,696	0	0,688	0,741	0,639	0,653
2	0,934	0,969	1,013	0,953	0,997	0,384	0,877	0,899	1,058	1,056
3	0,265	0,222	0,009	0,598	0,628	0	0,554	0,611	0,699	0,617
4	0,432	0,395	0,442	0,403	0,453	0,246	0,386	0,433	0,398	0,469
5	0,133	0,162	0,157	0,225	0,27	0,066	0,245	0,288	0,240	0,268
6	0,279	0,16	0,134	0,177	0,314	0	0,264	0,312	0,194	0,201
7	0,809	0,801	0,774	0,902	0,921	0,906	0,716	0,664	0,604	0,405

В табл. 2 по горизонтали отложены годы, по вертикали – номера ментальных районов. Ячейки-пересечения отражают значение LQ определённого ментального района. Периоды, в которые значение LQ превышало 0,8, выделены серым градиентом.

Как следует из табл. 2, в 2012–2021 гг. на территории региона туристские кластеры не выявлены. Однако в пространстве ментальных районов 2 и 7 в течение 5 лет наблюдались значения $LQ > 0,8$, что рассматривается как признак туристского протокластера. Обозначим территорию № 2 как «Северо-восточный туристский протокластер», территорию №3 – как «Юго-западный туристский протокластер».

Северо-восточный туристский протокластер включает в себя (в соответствии с наименованиями по ОКТМО (ОК 033-2013) с изменениями от 01.01.22) Соликамский, Чердынский, Красновишерский городские округа и г. Березники. Основные количественные характеристики функционирования системообразующей части ядра протокластера в 2012–2021 гг. отражены на рис. 4 (А–Д).

Рекреационная география и туризм

Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю.

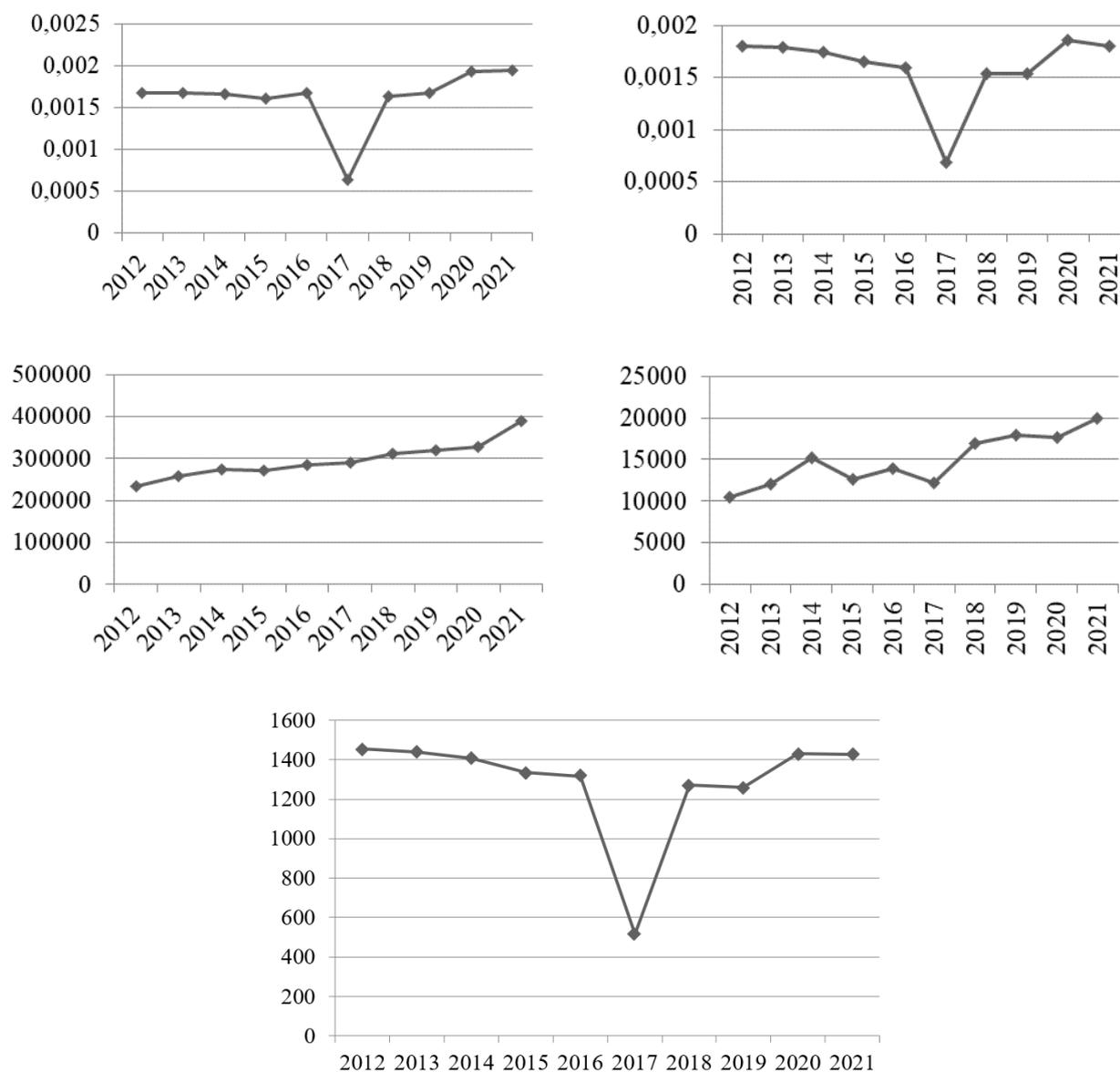

Рис. 4. Основные характеристики функционирования системообразующей части ядра Северо-Восточного туристского протокластера в 2012–2021 гг.: А – фокус протокластера; В – размер протокластера; В – фонд заработной платы всех работников системообразующей части ядра протокластера; Г – среднемесячная заработная плата работников системообразующей части ядра протокластера; Д – среднесписочная численность работников системообразующей части ядра протокластера по полному кругу организаций, чел.

Fig. 4. Main features of the North-Eastern tourism protocluster backbone in 2012–2021: A – focus of the protocluster; B – size of the protocluster; C – wage fund of all employees of the backbone part of the protocluster core; D – average monthly salary of the workers of the backbone part of the protocluster core; E – average headcount of the workers of the backbone part of the protocluster core by the full range of organizations, pers.

Как следует из рис. 4, А, показатель «Фокус протокластера», иллюстрирующий его влияние на регион через призму рынка труда в период с 2012 по 2016 г., оставался сравнительно стабильным.

В 2017 г. происходит резкий спад влияния протокластера в регионе, связанный с проведением на юге края ряда крупных международных спортивных мероприятий, которые переориентировали на себя значительную часть административного ресурса, инвестиционных, финансовых и туристских потоков. В 2018 г. происходит восстановление показателя на прежнем уровне. Во многом это было связано с началом реализации программ

по развитию туризма в Чердынском и Соликамском городских округах, а также в Усольском районе, вошедшем в 2018 г. в состав г. Березники. В 2020 г. поддержка развития туризма на этих территориях усилилась, однако дальнейшего роста фокуса протокластера в связи с эпидемическим кризисом не произошло. Вместе с тем меры административной поддержки позволили избежать серьёзного падения влияния Северо-восточного протокластера в регионе, сохранив показатель фокуса в 2021 г. на уровне 2020 г.

Показатель «Размер протокластера» (рис. 4, Б) последовательно снижался с 2012 по 2016 г. В 2017 г. произошло резкое падение, связанное с переориентацией основных туристских инвестиционных потоков на юг региона. В 2017–2019 гг. отмечался компенсационный рост с достижением уровня 2016 г., после чего в 2019–2020 гг. наметилась полноценная тенденция к увеличению размера туристского протокластера. Однако в 2020–2021 гг. начинается сжатие территориально туристско-рекреационной системы, связанное с введением противоэпидемических ограничений.

Из рис. 4, В, Г следует, что в период с 2012 по 2021 г. наблюдался последовательный рост как фонда заработной платы работников системообразующей части ядра протокластера, так и размера их среднемесячной номинальной заработной платы. Кроме того, в период эпидемического кризиса рост этих показателей ускорился. Соотнесение подобной тенденции с данными рис. 4, Д свидетельствует, что рост размера заработной платы достигался не за счёт высвобождения части персонала и перераспределения нагрузки между оставшимися работниками.

Обращение к данным о численности организаций системообразующей части ядра протокластера (доступной на сегодняшний день за 2019–2020 гг.) показывает, что в 2020 г. число кластеризированных единиц уменьшилось с 75 до 73. При этом, как отмечалось ранее, снижения общего числа занятых в организациях протокластера не произошло. Очевидно, высвобожденные работники этих организаций были перераспределены между оставшимися компаниями протокластера. Это может быть связано как с действием мер федеральной, региональной и местной поддержки [10], так и с влиянием ассоциативной культуры кланового типа, сложившейся в туристском секторе на этих территориях [9].

Для углубления представлений о функционировании туристского протокластера в докризисный период, в период эпидемического кризиса, а также на современном этапе нами дважды (в 2021 г. – 125 анкет и в 2022 г. – 193 анкеты) был проведён опрос представителей организаций ядра протокластера, охвативший как его системообразующую, так и периферийную части. Анкета была размещена на платформе «GoogleForms» и включала в себя 30 вопросов о функционировании организаций, о специальных мерах, принятых руководством этих организаций в период кризиса, а также об эффективности местных, региональных и федеральных мер поддержки.

Как показал опрос, наиболее сложным для организаций ядра Северо-восточного туристского протокластера оказалась первая половина 2020 г., на который пришёлся локдаун. В этот период системообразующие организации отмечали частичную или полную остановку деятельности, повлекшую за собой значительные убытки. Большая часть (75%) организаций общественного питания попытались работать в режиме доставки, однако такая деятельность не позволила выйти на докризисные финансовые показатели. Вторая половина 2020 – начало 2021 гг. оказалась для организаций более благоприятной. Постепенное ослабление ограничений активизировало спрос на их услуги, однако, по данным представителей гостиничного бизнеса, прежние масштабы туристского потока в этот период восстановлены все же не были.

Последовательный рост туристского потока стал наблюдаться только с лета 2021 г. благодаря федеральной программе туристского кэшбэка.

Ещё один пик числа бронирований начался в марте 2022 г. Представители гостиничной

сферы связывают его с санкционным кризисом, удорожанием зарубежных туристских поездок и дальних поездок по России. При этом значительная часть бронирований приходится на организованные туристские группы смешанного характера (взрослые и дети), которые пребывают, в основном, из г. Пермь, Свердловской, Кировской, Челябинской, Тюменской областей.

Туроператоры и туристские агентства в первой половине 2020 г. перешли на удалённый режим работы. Основная их задача в этот период состояла в работе с клиентами и партнёрами по возврату денежных средств конечным потребителям за нереализованные турпрограммы.

Во второй половине 2020 г. спрос на поездки по краю, «подогреваемый» эффектом программы туристского кэшбека, стал восстанавливаться, но реализовывался преимущественно через однодневные турпрограммы с выездом из краевого центра.

Рост числа программ с размещением туристов в гостиницах в границах туристского протокластера наблюдается с лета 2021 г. Санкционный кризис стимулировал ускорение этого процесса. Однако объёмы туристского потока въезжающих на территорию протокластера, при сохранении тенденции к росту, остаются ниже ожидаемого уровня. Данный феномен представители отрасли связывают со слабым уровнем продвижения их туристского продукта и отсутствием обновления туристских маршрутов, что подтверждается результатами нашего анализа в 2018 [8], 2020 [9] и 2022 гг.

Отвечая на вопросы о мерах государственной, региональной и местной поддержки, 95,2% респондентов в 2021 г. и 98,9% в 2022 г. в качестве наиболее эффективных назвали меры по снижению налоговой нагрузки и программу туристского кэшбека [10]. 47% опрошенных обратили внимание на рост возможностей получения государственных, региональных и частных грантов. Следует отметить, что более половины опрошенных (52%) не увидели разницы между мерами поддержки для организаций сектора после начала санкционного кризиса и мерами поддержки в период эпидемического кризиса.

Юго-западный туристский протокластер включает в себя Чайковский, Чернушенский, Осинский городские округа, а также Куединский, Бардымский, Еловский муниципальные округа. Основные количественные характеристики функционирования системообразующей части ядра Юго-западного туристского протокластера в 2012–2021 гг. отражены на рис. 5 (А–Д).

Как следует из рис. 5, А, Юго-западный туристский протокластер характеризуется снижением роли влияния на рынок труда региона. В этом отношении пик значимости протокластера был достигнут в 2016 и 2017 гг., т.е. при подготовке и проведении международных спортивных мероприятий. В дальнейшем (2018–2021 гг.) отмечено снижение показателя, ускорившееся в период пандемии (2020–2021 гг.). Юго-Западный туристский протокластер, базирующийся на фестивальном и событийном туризме, более болезненно воспринял условия противоэпидемических ограничений.

Параметр «Размер туристского протокластера» (рис. 5, Б) подвержен эффектам от организации и проведения крупных спортивных мероприятий, привлекающим на территорию протокластера финансовые, инвестиционные и туристские потоки. Так, пики показателя «Размер» Юго-западного туристского протокластера пришлись на спортивные сезоны 2015 г. (этапы Кубка мира по лыжному двоеборью в г. Чайковский) и 2017 г. (Чемпионат мира по летнему биатлону в г. Чайковский). Вместе с тем следует отметить, что влияние этих событий на Юго-западный туристский протокластер оказалось значительно ниже, чем на Северо-восточный.

С 2018 г. наблюдаются активные процессы сжатия размера Юго-западного туристского протокластера, которое с началом пандемии ускорилось. В целом данная тенденция подтверждается динамикой показателя «Среднесписочная численность работников

Рекреационная география и туризм

Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю.

системообразующей части ядра кластера по полному кругу организаций, чел.» (рис. 5, Д), однако несколько противоречит данным об изменении числа системообразующих организаций в числе кластера. В 2019 г. их было 55, в 2020 г. стало 67.

Для объяснения этого феномена рассмотрим динамику показателей на рис. 5, В, Г. Пик размера фонда оплаты труда пришёлся на 2017 г., пик размера среднемесячной заработной платы – на 2018 г. В дальнейшем размер фонда оплаты труда снижался, а среднемесячная заработная плата росла. Учитывая, что эти процессы сопровождались снижением численности занятых в организациях кластера (рис. 5, Д), следует предположить, что организации начали снижать свои издержки, высвобождая сотрудников, увеличивая нагрузку на оставшихся, повышая им заработную плату. В период пандемии эта практика расширилась.

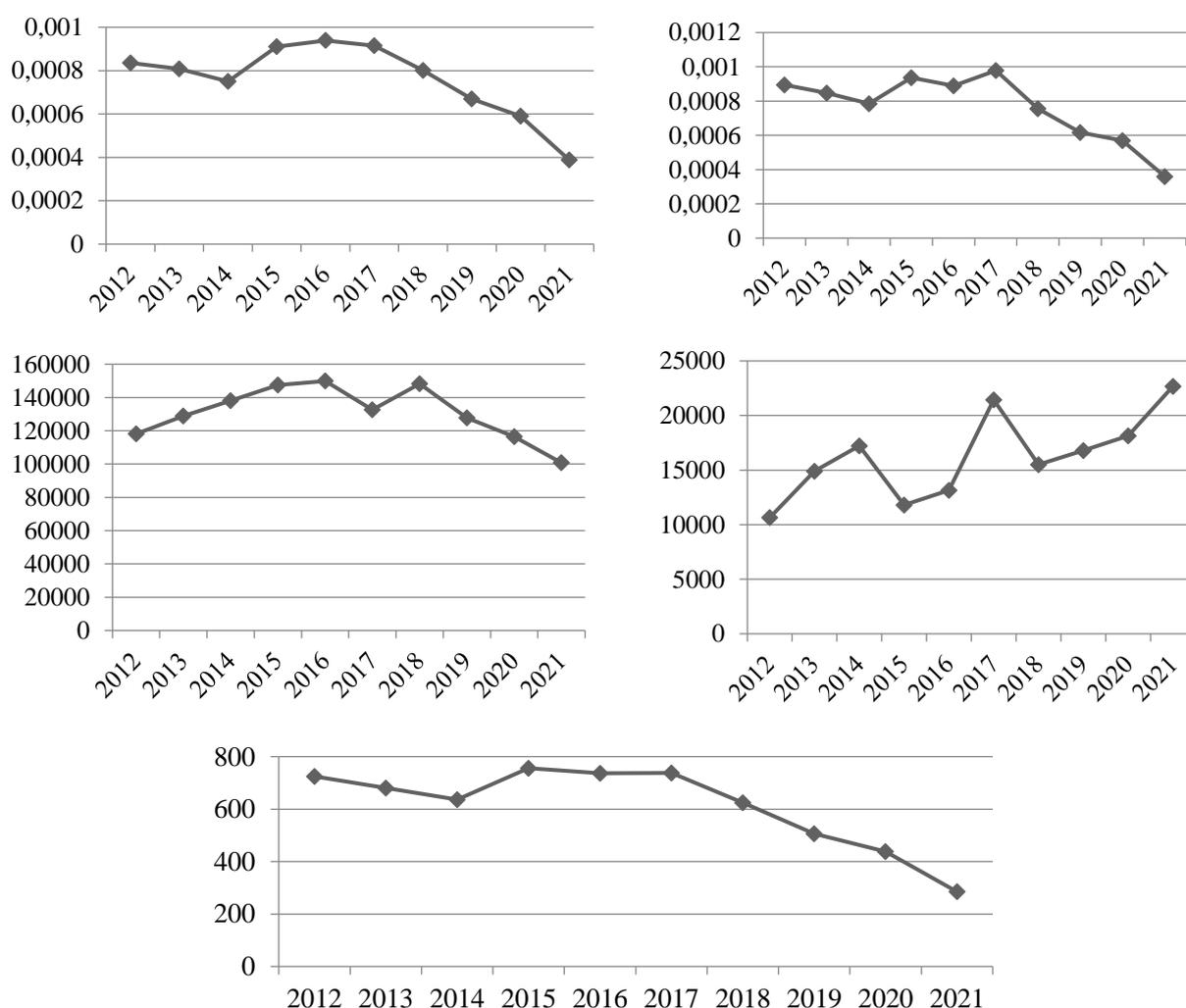

Рис. 5. Основные характеристики функционирования системообразующей части ядра Юго-западного туристского протокластера в 2012–2021 гг.: А – фокус кластера; Б – размер кластера; В – фонд заработной платы всех работников системообразующей части ядра кластера; Г – среднемесячная заработная плата работников системообразующей части ядра кластера; Д – среднесписочная численность работников системообразующей части ядра кластера по полному кругу организаций, чел.

Fig. 5. Main features of the South-Western tourism proto-cluster backbone in 2012–2021: A – cluster focus; B – cluster size; C – wage fund of all employees of the system-forming part of the cluster core; D – average monthly wage of employees of the system-forming part of the cluster core for the full range of organizations, pers.

Однако этот вывод не вполне согласуется с данными об изменении числа системообразующих организаций в ядре кластера, где в 2019–2020 гг. был отмечен существенный рост (на 22%). Кроме того, стратегия высвобождения персонала в 2018–2019 гг. не имела объективных причин, поскольку на территории протокластера продолжали проводиться крупные международные спортивные мероприятия и фестивали, въездной туристский поток на территорию рос и, более того, центр протокластера – г. Чайковский в 2019 и 2020 гг. занимал второе место (после г. Пермь) по объёму въездного туристского потока среди городов Пермского края [14].

Судя по всему, выявленные процессы сжатия Юго-западного туристского протокластера имеют формальную, мнимую природу, а на его территориях происходит развитие теневой занятости в туристском секторе, которая используется как способ повышения рентабельности бизнеса.

Проведённые опросы представителей организаций ядра Юго-западного туристского протокластера (в 2021 г. – 210 анкет, в 2022 г. – 303 анкеты) позволили дополнить картину функционирования этой территориальной туристско-рекреационной системы в период кризисов.

Так, организации системообразующей части ядра (гостиничный и ресторанный бизнес) в качестве наиболее сложного периода также отметили локдаун 2020 г. Однако в отличие от коллег с севера региона на юге ряд гостиниц в этот период попытался продолжить работу, сдавая номера в долгосрочную аренду со снижением цены. В крупных городах протокластера (Чернушка, Чайковский, Оса) некоторые предприятия общественного питания перешли к работе в формате реализации «продукция на вынос».

Вторая половина 2020 г. рассматривается организациями как период восстановления спроса. Основной объём бронирований в это время пришёлся на самостоятельных туристов.

В 2021 г. рост спроса продолжился, основной объём бронирований пришёлся на период с 1 мая по 25 ноября. В структуре бронирований наблюдался рост числа организованных групп, при этом организаторами таких поездок выступали туроператоры из городов самого Юго-западного протокластера, из Перми и Ижевска.

Основной туристский поток на территорию Юго-Западного протокластера формировали жители других территорий Пермского края, а также жители Удмуртской республики, Челябинской области, Республики Башкортостан, центральных и северо-западных регионов страны.

Развитие санкционного кризиса первой половины 2022 г. обусловило рост числа бронирований как со стороны индивидуальных туристов, так и организованных групп, несмотря на повышение цен.

Туроператоры и туристские агентства Юго-Западного протокластера характеризуют свою деятельность в 2020 г. аналогично деятельности коллег с Северо-восточных территорий. 38% опрошенных отметили, что для сохранения своих компаний они были вынуждены использовать перевод сотрудников на неполный рабочий день, вывод за штат, сокращения. Восстановление основной деятельности туроператоров и турагентств началось с лета 2020 г. и происходило, главным образом, за счёт работы с индивидуальными туристами и сборными группами. С конца августа – начала сентября возобновилась работа с организованными группами, пребывающими на теплоходах без размещения на территории принимающих городов.

Во второй половине 2020 г. темпы роста въездного туризма возросли главным образом за счёт организованных и сборных групп. Представители турагентств и туроператоров связывают это с программой туристского кэшбэка, а также ростом цен на туристские продукты, что обусловило дальние путешествия менее привлекательными для потребителя.

Начало санкционного кризиса в 2022 г. рассматривается представителями турагентств и

Рекреационная география и туризм

Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю.

туроператоров как своеобразный триггер, определивший новый этап роста спроса на их услуги. В качестве проблем, сдерживающих этот спрос, ими были отмечены географическое однообразие туристских маршрутов (при перманентном появлении новых турпрограмм, имеющих разную тематику) и проблемы маркетинга территорий, не позволяющего в его современном исполнении придать дополнительную ценность создаваемым туристским продуктам.

Отвечая на вопросы о мерах государственной, региональной и местной поддержки в 2021 г., 90,5% респондентов в качестве наиболее эффективных мер назвали снижение налоговой нагрузки и программу туристского кэшбэка [8]; а в 2022 г. – наиболее 95,7% респондентов.

Данные о специфике функционирования Северо-восточного и Юго-западного туристских протокластеров были аккумулированы нами в табл. 3.

Таблица 3

Компаративный анализ функционирования Северо-Восточного и Юго-западного туристских протокластеров в период эпидемического и санкционного кризисов
Comparative analysis of the North-Eastern and South-Western tourism protoclusters during the pandemic and sanction crises

Параметр	Северо-восточный протокластер	Юго-западный протокластер
1	2	3
Общие параметры		
Изменение размера	Формальное сжатие с сокращением числа организаций системообразующей части ядра и ориентацией на сохранение сотрудников	Формальное (мнимое) сжатие, сопряженное с ростом числа организаций системообразующей части ядра и развитие теневой занятости
Влияние на рынок труда	Стагнация	Снижение
Фонд оплаты труда	Рост	Снижение
Заработная плата	Рост	Рост
Число организаций	Снижение	Рост
Специфика работы функционирования по периодам		
Первая половина 2020 г. (эпидемический кризис, локдаун)	Гостиничный бизнес – частичная или полная остановка деятельности, убытки. Сфера общественного питания – работа в режиме доставки, снижение прибыли или убытки. Туроператоры и турагентства – удалённый режим работы, в основном возврат денежных средств. Операторы аттракций – простой (кроме музеев), убытки	
Вторая половина 2020 г. (эпидемический кризис)	Гостиничный бизнес – убытки. Сфера общественного питания – постепенное восстановление спроса. Туроператоры и турагентства – работа по возвращению денежных средств (зарубежные направления), продаже и проведение однодневных туров по региону. Операторы аттракций – простой (кроме музеев), убытки	Гостиничный бизнес – восстановление спроса за счёт индивидуальных туристов. Сфера общественного питания – постепенное восстановление спроса. Туроператоры и турагентства – восстановление основной деятельности. Операторы аттракций – восстановление спроса
2021 г. (эпидемический кризис)	Гостиничный бизнес – восстановление туристского потока за счёт организованных групп. Сфера общественного питания – возвращение к допандемийным показателям. Туроператоры и турагентства – переориентация на туры по России и региону. Операторы аттракций – восстановление спроса	Гостиничный бизнес – рост спроса, в том числе за счёт организованных групп. Сфера общественного питания – возвращение к допандемийным показателям. Туроператоры и турагентства – переориентация на туры по краю и России. Операторы аттракций – рост спроса

Рекреационная география и туризм

Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю.

Окончание табл. 3

1	2	3
Первая половина 2022 г. (эпидемический кризис + санкционный кризис)	Гостиничный бизнес – рост числа бронирований. Сфера общественного питания – рост спроса. Туроператоры и турагентства – рост спроса, углубление переориентации на туры по региону и стране. Операторы аттракций – рост спроса	Гостиничный бизнес – рост числа бронирований и времени, проведённого в отелях. Сфера общественного питания – рост спроса. Туроператоры и турагентства – рост спроса на услуги. Операторы аттракций – рост спроса
Основные туристские потоки в период кризисов		
Доминирующий тип туриста	Организованные туристские группы сборные и целостные (изначально формирующие групповую заявку на тур).	Индивидуальные туристы и сборные группы.
Территории, из которых пребывали туристы	Свердловская, Кировская, Челябинская, Тюменская области, Центральные и Северо-Западные регионы страны	Пермский край, Удмуртская республика, Челябинская область, республика Башкортостан, Центральные и Северо-Западные регионы страны
Проблемы кластера (по мнению представителей туристической индустрии)		
Проблемы функционирования	1. Недостаточный уровень развития инфраструктуры (прежде всего, транспортной). 2. Зависимость в формировании сборных групп от турагентств г. Перми, с невысоким качеством работы	1. Отмена и перенос из России международных соревнований. 2. Снижение международного туристского потока. 3. Транспортная инфраструктура периферии кластера
Проблемы развития	1. Маркетинг туристских продуктов территории 2. Отсутствие новых маршрутов	1. Создание и маркетинг ценности территории. 2. Географическое однообразие маршрутов
Наиболее эффективные текущие меры поддержки (по мнению представителей туристической индустрии)		
Меры поддержки	1. Налоговые льготы. 2. Программа туристского кэшбэка	

Систематизация и анализ функционирования Северо-восточного и Юго-западного туристских протокластеров позволили нам сформировать систему рекомендаций по их развитию. Следует отметить, что основной интерес региона по отношению к этим двум территориальным туристско-рекреационным системам связан с их эволюцией в полноценные туристские кластеры.

В этой связи мы предлагаем рассмотреть целесообразность следующих мероприятий.

1. До конца 2023 г. пролонгировать региональный комплекс мер, связанный со снижением налоговой нагрузки. За это время оба протокластера смогут адаптировать свою деятельность к условиям санкционного кризиса и обретут некоторую устойчивость.

2. Разработать новую географически разнообразную сеть маршрутов. Для этой цели могут быть привлечены средства фондов Ростуризма, выделяемые в рамках национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» [13]. Поскольку эти средства выделяются предпринимателям, основная задача правительства региона – информировать и направить их усилия на разработку маршрутов по тем территориям протокластеров, которые ещё не охвачены или слабо охвачены туристской маршрутной сетью.

3. Создать консультационные центры на территории муниципалитетов в границах протокластеров при местных администрациях, представители которых помогут предпринимателям оформить документы на участие в конкурсе.

4. Внести в систему критериев конкурсного отбора проектов маршрутов, который будет проводить Министерство по туризму и молодежной политике Пермского края, параметр географической новизны маршрута.

5. Стимулировать комплексные исследования территорий протокластеров в разрезе туристских ресурсов, географической специфики, археологии, истории и этнографии (через систему местных грантов). На территории Северо-восточного туристского протокластера археологические и этнографические исследования проводятся давно, а его географический потенциал остаётся недоисследованным. Исходя из этого имеет смысл провести более детальное изучение хроник, затрагивающих как историю отдельных объектов показа (храмы, старинные дома, исторические поселения), так и всей территории в целом.

Юго-западный протокластер слабо обследован археологически. В оценке нуждаются также его географические ресурсы и этнографический потенциал.

6. Развивать транспортную инфраструктуру. В Северо-восточном туристском протокластере эта проблема характерна для всей его территории, в Юго-западном же она в большей мере касается периферии.

7. Выделить субсидии на продвижение турпродуктов Северо-восточного туристского протокластера на федеральных площадках (Дельфин, Лабиринт и т.д.).

8. Субсидировать сборные и мультимодальные туры с формированием групп на территории Северо-восточного протокластера (например, в г. Соликамске). Такое мероприятие обусловлено проблемой зависимости от турагентств и туроператоров г. Перми, действия которых не только удорожают стоимость турпродукта (25–30%), но и повышают турбулентность ожиданий туристов, поскольку часто отменяют планируемые сборные туры ввиду того, что число забронировавших места, меньше желаемого ими уровня. При этом следует рассмотреть вопрос симплификации логистики по маршрутам Пермь-Соликамск и Екатеринбург-Соликамск через введение прямых (безостановочных) автобусных и железнодорожных рейсов (по меньшей мере, в период летнего туристского сезона).

9. Своевременная подача заявки на проведение крупных всероссийских соревнований, а также соревнований уровня СНГ в Юго-западном туристском протокластере, который ориентирован на событийный, в том числе спортивный туризм.

10. Повысить уровень ряда проводимых фестивалей, в том числе фестиваля искусств детей и юношества имени Д.Б. Кабалевского «Наш Пермский край», «Спасские гуляния», «Акватория Беринга» до федерального. Имеет смысл организовывать новые фестивали федерального уровня и возродить регату на Воткинском водохранилище.

11. Сформировать общую концепцию продвижения, создающую дополнительную ценность туристского продукта каждого протокластера. Мы считаем, что Юго-западный протокластер целесообразно позиционировать как уникальный историко-культурный регион «Прикамье» (в содержательной интерпретации этой концепции по Н.Н. Блинову [2]), а Северо-восточный – как «Пермь Великую».

Реализация предложенного комплекса мер позволит адаптировать существующие на территории Пермского края протокластеры к функционированию в условиях последствий эпидемического кризиса и развивающегося санкционного кризиса, а также сформировать потенциал для дальнейшего развития, в том числе в федеральном масштабе.

Заключение

В рамках данного исследования был проведён анализ функционирования туристских протокластеров Пермского края в условиях эпидемического (2020–2022 гг.) и санкционного кризисов (с февраля 2022 г.). Специальная методика анализа была разработана на основе системно-агломерационного подхода. Была предложена интегрированная шкала для идентификации кластеров, содержащая критерий выделения протокластеров.

В рамках анализа на основе расчета общерегионального коэффициента локализации была дана оценка процессов комплексообразования в сфере туризма Пермского края. Исследование показало, что уровень этих процессов недостаточен для формирования

Рекреационная география и туризм
Кощев Д.А., Исопескуль О.Ю.

на текущем этапе развития сектора полноценных туристских кластеров, однако протокластеры в регионе уже присутствуют. Они были обозначены нами как Северо-восточный и Юго-западный туристские протокластеры. Северо-восточный протокластер в условиях эпидемического кризиса реализовал стратегию формального сжатия с сокращением числа бизнес-единиц и максимальным сохранением персонала. Юго-западный сделал акцент на вывод персонала за штат и теневилизацию занятости.

Для каждого из протокластеров были описаны специфические черты функционирования на разных этапах развития кризиса, рассмотрена динамика восстановления по мере снятия противоэпидемических ограничений, выделена реакция на начало нового санкционного кризиса, выявлены наиболее эффективные меры государственной поддержки.

На основе идентифицированной специфики предложена система рекомендаций для властей региона по развитию каждого из двух протокластеров в новых условиях, предполагающая как решение текущих проблем, так и формирование основы для достижения успеха в будущем.

Список источников

1. Аганбегян А.Г., Клепач А.Н., Порфирьев Б.Н., Узяков М.Н., Широков, А.А. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // Проблемы прогнозирования, 2020. Т. 6. № 183. С. 18–26.
2. Блинов Н.Н. К столетнему юбилею города Сарапула. О необходимости образования новой Прикамской губернии. Сарапул: Типография Ф.Т. Пойлова, 1880. 32 с.
3. Зырянов А.И., Мышлянцева С.Э. Туристские кластеры и доминанты (на примере Пермского края) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 2. С. 13–20.
4. Зырянов А.И., Мышлянцева С.Э. Туристские кластеры Пермского края // Туризм в глубине России. Пермь, 2010. С. 3–10.
5. Казакова Г.М. Региональная идентичность, вернакулярный район и российский «низовой регионализм» // Вестник культуры и искусств. 2020. № 4(48). С. 53–58.
6. Калуцков В.Н. О типах районов в культурной географии // Журнал «Культурная и гуманитарная география». 2013. № 2(1). С. 3–9.
7. Карлова Е.В., Харченко С.В. О связи географических границ городских вернакулярных районов с природными рубежами (на примере крупных городов) // Региональные исследования. 2014. № 2(44). С. 112–123.
8. Кощев Д.А., Исопескуль О.Ю. Проектирование туристских кластеров: системно-агломерационный подход. М.: ИНФРА-М, 2020. 324 с.
9. Кощев Д.А., Исопескуль О.Ю. Социокультурная среда в функционировании туристского кластера // Географический вестник. 2020. № 2. С. 141–157.
10. Кощев Д.А., Исопескуль О.Ю. Функционирование туристского сектора в условиях карантина при пандемии: проблемы и решения // Региональные исследования. 2021. № 2. С. 61–73.
11. Кощев Д.А., Третьякова Е.А. Роль индустриального кластера в экономике региона: системно-агломерационный подход и механизм взаимного влияния // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 15. № 4. С. 512–550.
12. Миролюбова Т.В., Кралина Т.В., Ковалёва Т.Ю. Закономерности и факторы формирования и развития региональных кластеров. Пермь: Изд-во Пермского гос. нац. исслед. ун-та, 2013. 280 с.
13. Ростуризм направит средства на развитие туристической инфраструктуры в Прикамье // chaiknet. [Электронный ресурс]. URL: <https://chaiknet.ru/news/society/19042/> (дата обращения: 14.06.2022).
14. Чайковский – второй город после Перми по турпотоку... // Чайковские новости. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chaikovskie.ru/novosti/all/18263/> (дата обращения: 14.06.2022).
15. Delgado M., Porter M., Stern S. Clusters, convergence, and economic performance // Research policy. 2014. № 10. P. 1785–1799.
16. e Silva F.B., Barranco R., Proietti P., Pigaiani C., Lavallo C. A new European regional tourism typology based on hotel location patterns and geographical criteria // Annals of Tourism Research. 2021. № 89. P. 1–6.
17. Jang, S., Kim, J. Remediating Airbnb COVID-19 disruption through tourism clusters and community resilience // Journal of Business Research. 2022. №139. P. 529–542.
18. Peiró-Signes et al. Effect of tourism clusters on US hotel performance // Cornell Hospitality Quarterly. 2015. № 56. P. 155–167.
19. Porter M.E The Competitive Advantage of Nations. New York: The free press, 1990. 855 p.

Рекреационная география и туризм

Коцеев Д.А., Исопескуль О.Ю.

20. Renaud S. Reconsidering global mobility – istancing from mass cruise tourism in the aftermath of COVID-19 // *Tourism geographies*. 2020. № 3(22). P. 679–689.
21. Scuttari A., Ferraretto V., Stawinoga A.E., Walder M. Tourist and Viral Mobilities Intertwined: Clustering COVID-19-Driven Travel Behaviour of Rural Tourists in South Tyrol, Italy // *Sustainability*. 2021. № 13. P. 111–119.
22. Seraphin H., Dosquet F. Mountain tourism and second home tourism as post COVID-19 lockdown 119 placebo? // *Worldwide hospitality and tourism themes*. 2020. № 4(12). P. 485–500.
23. Zenker S., Kock F. The coronavirus pandemic – A critical discussion of a tourism research agenda // *Tourism Management*. 2020. № 81. P. 104–164.

References

1. Aganbegyan, A.G., Klepach, A.N., Porfir'ev, B.N., Uzyakov, M.N., SHirov, A.A. (2018), POST-Pandemic recovery: the Russian economy and the transition to sustainable social and economic development, *Studies on Russian Economic Development*, no .6, pp. 18–26.
2. Blinov, N.N. (1880), K stoletnemu yubileyu goroda Sarapula. O neobhodimosti obrazovaniya novoj Prikamskoj gubernii [On 100 – jubilee of Sarapul town. On the need of creating Prikam region], Tipografiya F.T. Pojlova, Sarapul, Russia.
3. Zyryanov, A.I., Myshlyavceva, S.E. (2015), Touristic Clusters and dominants: Evidence from Perm region, *Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no. 2, pp. 13–20.
4. Zyryanov, A.I., Myshlyavceva, S.E. (2010), Tourism clusters of Perm krai, *Tourism in deep Russia*, no. 1, pp. 3–10.
5. Kazakova, G.M. (2020), Regional identity, vernacularly district and the Russian “grassroots regionalism”, *Culture and art bulletin*, no. 4(48), pp. 53–58.
6. Kalutskov, V.N. (2013), Types of regions in cultural geography, *Culture and Humanitarian Geography*, no. 2(1), pp. 3–9.
7. Karlova, E.V., Kharchenko, S.V. (2014), On relations of geographical boundaries of the urban vernacular regions and natural barriers (case study of big cities of the central Russia), *Regional studies*, no. 2(44), pp. 112–123.
8. Koshcheev, D.A., Isopeskul, O.Yu. (2020), Design of tourism clusters: a systematic approach sinter, INFRA-M, Moscow, Russia.
9. Koshcheev, D.A., Isopeskul, O.Yu. (2020), POST-Pandemic recovery: the Russian economy and the transition to sustainable social and economic development, *Tourism cluster and its social and cultural milieu as a driving factor*, no. 2, pp. 141–157.
10. Koshcheev, D.A., Isopeskul, O.Yu. (2021), Tourism sector within pandemic quarantine: problems and solutions, *Regional studies*, no. 2, pp. 61–73.
11. Koshcheev, D.A., Tretiakova, E.A. (2020), Industrial cluster's role in region's economy: system and agglomeration approach and interinfluence mechanism, *Vestnik permskogo universiteta. seriya: ekonomika*, no. 4, pp. 512–550.
12. Mirolyubova, T.V., Karlina, T.V., Kovaleva, T.Yu. (2013), Zakonomernosti i faktory formirovaniya i razvitiya regional'nykh klasterov [Formation and development regularities and factors for regional clusters], Perm, Izd-vo Perm. gos. nats. issled. un-ta Publ., 280 p. (In Russian).
13. Rosturizm napravit sredstva na razvitie turisticheskoy infrastruktury v Prikam'e (2022), available at: <https://chaiknet.ru/news/society/19042> (Accessed 14 June 2022).
14. CHajkovskij – vtoroj gorod posle Permi po turpotoku..... (2020), available at: <http://www.chaikovskie.ru/novosti/all/18263107936> (Accessed 14 June 2022).
15. Delgado, M., Porter, M., Stern, S. (2014), Clusters, convergence, and economic performance, *Research policy*, 10, pp. 1758–1799.
16. e Silva, F. B., Barranco, R., Proietti, P., Pigaiani, C., Lavalle, C. (2021), A new European regional tourism typology based on hotel location patterns and geographical criteria, *Annals of Tourism Research*, no. 89, pp. 1–6.
17. Jang, S., Kim, J. (2014), Remedying Airbnb COVID-19 disruption through tourism clusters and community resilience, *Journal of Business Research*, 139, pp. 529–542.
18. Peiró-Signes et al. (2015), Effect of tourism clusters on US hotel performance, *Cornell Hospitality Quarterly*, 56, pp. 155–167.
19. Porter, M.E (1990), *The Competitive Advantage of Nations*, The free press, New York, the USA
20. Renaud, S. (2020), Reconsidering global mobility – istancing from mass cruise tourism in the aftermath of COVID-19, *Tourism geographies*, no. 3(22), pp. 679–689.
21. Scuttari, A., Ferraretto, V., Stawinoga, A. E., Walder, M (2021), Tourist and Viral Mobilities Intertwined: Clustering COVID-19-Driven Travel Behaviour of Rural Tourists in South Tyrol, Italy, *Sustainability*, no. 13, pp. 111–119.
22. Seraphin, H., Dosquet, F. (2021), Mountain tourism and second home tourism as post COVID-19 lockdown 119 placebo?, *Worldwide hospitality and tourism themes*, no. 4(12), pp. 485–500.

*Рекреационная география и туризм**Кощев Д.А., Исопескуль О.Ю.*

23. Zenker, S., Kock, F. M (2020), The coronavirus pandemic – A critical discussion of a tourism research agenda, *Tourism Management*, 81, pp. 104–164.

Статья поступила в редакцию: 11.07.2022; одобрена после рецензирования: 06.10.2022; принята к опубликованию: 13.12.2022.

The article was submitted: 11 July 2022; approved after review: 6 October 2022; accepted for publication: 13 December 2022.

Информация об авторах

Information about the authors

Дмитрий Александрович Кощев

старший преподаватель департамента менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 614060, Россия, г. Пермь, ул. Бульвар Гагарина 37

Dmitry A. Koshcheev

Senior Lecturer, Department of Management, HSE University-Perm;

37, bulvar Gagarina, Perm, 614060, Russia

e-mail: dmitry.koshcheev@yandex.ru

Ольга Юрьевна Исопескуль

кандидат экономических наук, доцент, декан НИУ ВШЭ в Перми; Факультет социально-экономических и компьютерных наук; Научный руководитель образовательной программы: Государственное и муниципальное управление, Экономика впечатлений: музейный, событийный, туристический менеджмент; 614060, Россия, г. Пермь, ул. Бульвар Гагарина 37

Olga Yu. Isopeskul

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Computer Science, Economics and Social Sciences, Scientific Supervisor on the programs Public administration, Experience economy: museum, event, and tourism management; HSE University-Perm;

37, bulvar Gagarina, Perm, 614060, Russia

e-mail: oisopeskul@hse.ru

Вклад авторов

Кощев Д.А. – идея, подготовка инструментов анализа поведения основных стейкхолдеров процесса, разработка методологии и системы показателей, сбор и обработка материала, написание статьи, формирование карты ментальных районов.

Исопескуль О.Ю. – редактирование инструментов анализа поведения основных стейкхолдеров процесса, участие в сборе материала, научное редактирование статьи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Dmitry A. Koshcheev – the idea; creation of the main instruments for the analysis of the process stakeholders' behavior; creation of the investigation methodology and the system of indicators; data collection and processing; writing the paper; creation of the map of mental districts.

Olga Yu. Isopeskul – scientific editing of the instruments for the process stakeholders' behavior analysis; participation in the material collection; scientific editing of the paper.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.